

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ИДЕНТИЧНОСТЬ, НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И РЕЛИГИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

С.А. Мудров

Институт последипломного образования
Новоевропейский колледж
ул. Плантелор, 21, Бухарест, Румыния, 023971

Подписание Маастрихтского соглашения (1992 г.) усилило неэкономическую составляющую европейской интеграции и объективно укрепило позиции социального конструкционизма среди теорий европейской интеграции. Таким образом, была признана возможность учитывать роль идентичности, неправительственных организаций и религии в процессе унификации Европы. При этом роль религиозного фактора была особо отмечена в статье 17 Лиссабонского договора (2009 г.), установившего необходимость открытого и регулярного диалога между Европейским Союзом (ЕС) и церквями. Идентичность, как подчеркивается в данной статье, присутствует в ЕС в форме национальной и европейской идентичностей. Параметрами идентичности являются религия и ценности. Роль негосударственных субъектов обусловлена желанием Европейской комиссии усилить свою легитимность, а также необходимостью более широких консультаций в силу растущей сложности решаемых Евросоюзом задач. Роль церквей определяется исходя из присутствия указанных выше параметров, а также с учетом значения религии в истории Европы. Церкви вносят вклад в интеграцию как негосударственные субъекты и как участники формирования идентичности. При этом церкви отличаются от остальных акторов и имеют собственную «повестку дня», обусловленную морально-нравственными и богословскими доктринами. В целом можно отметить усиление роли и значения религиозного фактора на европейском уровне.

Ключевые слова: Европейский Союз; религия; церкви; европейская интеграция; идентичность; неправительственные организации; социальный конструкционизм.

Представители господствующих теорий европейской интеграции (неофункционализм и межправительственный подход) в основном уделяют внимание материальным факторам как движущим силам процесса интеграции. Для них экономические и финансовые аспекты интеграции гораздо важнее политико-идеологических факторов, а события на европейском континенте (как ключевые, так и менее важные) обусловлены прежде всего прагматичными интересами участников. Подобная оценка интеграции господствовала до прихода социального конструкционизма с его неэкономической повесткой дня [36. Р. 50].

Конечно, этому способствовали объективные причины. Создание Европейского Союза через подписание Маастрихтских соглашений стало ключевым фактором, принесшим значительные новшества. Об этих нововведениях упоминает Лорен МакЛарен: «С установлением общего гражданства и введением паспорта ЕС, отменой национальных валют, координацией политики в области иммиграции и предоставления убежища, а также созданием европейских вооруженных сил, становится понятным, что интеграция делается все менее экономически ориентированной по своей сути» [23. Р. 896].

Тем не менее, не совсем корректно утверждать, что меньший акцент на экономических процессах при анализе европейской интеграции является абсолютным новшеством. Об этом говорили и раньше — как при рождении интеграции, так и при ее дальнейшем «взрослении». Анжелика Шуер отметила, что «одна из главных целей отцов-основателей Европейского Союза заключалась в том, чтобы уменьшить конфликт и преодолеть вражду между европейскими обществами путем создания новой группы, которая, в конечном итоге, приведет к развитию европейской идентификации и чувства общей принадлежности» [30. Р. 30]. Роберт Шуман был убежден в том, что «данное образование [Сообщество угля и стали, Евроатом и Экономическое сообщество] не может и не должно оставаться лишь экономическим и техническим предприятием. Ему нужна душа, понимание исторического момента, его настоящей и будущей ответственности, политической воли, стоящей на службе общей идеи» [34. Р. 52].

Таким образом, отмечая актуальность подхода социальных конструкторов, мы можем определить, каким образом идентичность, неправительственные организации и религия связаны с процессом европейской интеграции. Указанные выше факторы приобретают особое значение в развитии Европейского Союза XXI в., что и отражено в Лиссабонском договоре (2009 г.), признающем, в частности, идентичность и «особый вклад» церквей (а также философских и неконфессиональных организаций) и устанавливающим регулярный и открытый диалог ЕС с церквями и упомянутыми организациями.

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Концепция идентичности всегда привлекала к себе пристальное внимание академических кругов, поэтому говорить о недостатке литературы, посвященной данной тематике, не приходится. Основные направления в анализе идентичности сводятся к следующему: во-первых, делается различие между типами идентичности; во-вторых, ведется дискуссия о формировании идентичности и о факторах, которые на это влияют.

Нельзя также не отметить, что отдельные исследователи отвергают существование идентичности в принципе. Так, Роджерс Брубакер и Фредерик Купер заявляют, что «социальные и гуманитарные науки сдались слову „идентичность“», которая, в реальности «слишком двусмысленна, слишком разделена между „мягкими“ и „жесткими“ значениями, сущностными содержаниями и конструкторскими определителями» [3. Р. 1—2]. И хотя такая точка зрения не является

доминирующей, сам факт ее существования подчеркивает сложность дебатов, которые ведутся вокруг идентичности.

Использование идентичности в анализе европейской интеграции можно развивать в следующих направлениях. Поскольку Европейский Союз — это ассоциация независимых государств, мы можем принимать во внимание концепцию национальной идентичности. Поскольку о ЕС говорят как о формирующемся европейском государстве, следует включить в повестку дня концепцию европейской идентичности. Наконец, нельзя забывать о проблеме взаимодействия национальной идентичности с европейской. Полагаем, имеет смысл начать анализ с национальной идентичности как таковой.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Различные аспекты национальной идентичности адекватно описаны в работах ряда зарубежных ученых. Так, Дэвид Миллер указывает на пять основных характеристик национальной идентичности. Во-первых, индивид, заявляющий о своей принадлежности к определенной нации, предполагает, что люди, принадлежащие к той же нации, разделяют его взгляды и убеждения. Во-вторых, Миллер подчеркивает, что национальная идентичность «олицетворяет историческую целостность (непрерывность)». Третий аспект национальной идентичности заключается в том, что она является активной. «Нации — это сообщества, которые вместе работают, принимают решения, достигают поставленных целей и т.д.». В-четвертых, национальная идентичность «соединяет группу людей с географически определенным местом». Наконец, как пишет Миллер, «национальная идентичность требует того, чтобы люди, которые ее разделяют, имели бы нечто общее — ряд черт, которые в прошлом часто называли “национальным характером”, но которые я предпочитаю описывать как общую национальную культуру». В определение общей национальной культуры Миллер включает как политические принципы, так и «социальные нормы, такие как честность в уплате налогов». Кроме того, Миллер отмечает, что идентичность «может также включать определенные культурные идеалы, например, религиозные верования или приверженность к сохранению чистоты национального языка» [25. Р. 23—26].

Следует заметить, что включение культуры и религиозных верований в концепцию национальной идентичности не является единоличным изобретением Миллера. Мнение ученого разделяют другие исследователи. Так, Патрик Митчелл считает, что национальная идентичность «включает убеждения о нации, ее происхождении, предназначении и взаимоотношениях с другими нациями. По этой причине она становится видимой посредством изучения общих видимых характеристик нации; ее мифов, культуры, территориальных ассоциаций, символов, ритуалов и определенном месте в содружестве наций» [27. Р. 48]. Карина Коростелина утверждает, что «национальная идентичность состоит из многочисленных аспектов и параметров: политических, территориальных, экологических, этнических, социальных, религиозных» [21. Р. 142]. Джон Байлс и Пол Спунлей подчеркивают, что «религия, возраст и пол встречаются повсюду как три маркера иден-

тичности, которые отражают формирование и сущность национальных идентичностей» [2. Р. 192]. Эйлса Хендерсон и Никола МакЭвен, рассуждая о роли ценностей в конструкции и развитии национальной идентичности, утверждают, что «дискурс общих ценностей может сам по себе и не создавать национальной идентичности... Тем не менее, дискурс общих ценностей может играть определенную роль в поддержании и придании формы национальной идентичности. Общие ценности могут придавать значение коллективному измерению национальной идентичности...» [16. Р. 177].

Впрочем, ценности не только придают идентичности дополнительный смысл — они также играют определенную роль в процессе ее формирования. Безусловно, формирование идентичности — это многоуровневый процесс, включающий в себя исторические обстоятельства, особенности этнических отношений, определенную мифологию нации и даже намеренные действия властей.

Тем не менее, сложность структуры не заслоняет собой ценности, поскольку именно ценности придают формированию идентичности особые черты. Как объясняет Дэвид Миллер: «Мы всегда начинаем с ценностей, которые были привиты нам сообществами и институтами, к которым мы принадлежим: семьей, школой, церковью и т.д. Когда нам необходимо поразмышлять над этими ценностями, мы обнаруживаем, что некоторые из них мы уже не разделяем, а между другими находим противоречия. Наконец, мы достигаем такого состояния, когда выдвинутые к нам требования сбалансированы, и установлена наша собственная шкала предпочтений между различными ценностями. Именно в этот момент формируется наша особая идентичность» [25. Р. 44—45].

Тем не менее, признавая тот факт, что религия и ценности являются параметрами национальной идентичности (и даже влияют на процесс ее формирования), мы не можем заявлять об их ведущем характере. Более корректно говорить о различной степени их веса и влияния, которые зависят от особенностей исторического развития конкретной территории и роли религиозных идей в обществе. Очевидно, что вес и влияние данных параметров меняется как в сторону увеличения, так и уменьшения. Следовательно, церкви могут проявлять заинтересованность в усилении религиозного параметра национальной идентичности. И хотя конкретный вклад церквей в формирование идентичности зависит от степени влияния церкви в данном обществе, сам факт существования данного вклада предполагает наличие их специальной функции — функции (роли) формирователей идентичности.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Бенуа Шаллан подчеркивает, что в процессе европейской интеграции произошло смещение от восприятия Европы как географической зоны к Европе как политическому проекту, в рамках которого были собраны государства, желавшие расстаться с частью суверенитета в пользу наднациональных структур. Он замечает, что «в этих сложных процессах появилась европейская идентичность, отличная (а порой также конфликтующая) с национальной идентичностью» [6. Р. 66].

Шаллан утверждает, что защитники идеи европейской идентичности говорят о самых различных ее основаниях, включая общий исторический опыт, наследие просвещенной рациональности и общую религиозную идентификацию.

Шаллан акцентирует внимание на том, что европейская идентичность, как пишут Шор и Страт, — это недавнее изобретение, причем продвигаемое европейской элитой. Попытка ее сведения к религиозным характеристикам (чертам) является отражением восприятия той угрозы, которая в настоящее время усматривается в исламе и, конкретно, в мусульманской Турции, стремящейся войти в состав ЕС [6. Р. 66—67].

Концепция европейской идентичности, невзирая на то, что она гораздо моложе концепции национальной идентичности, получила определенное признание еще до прихода социального конструкционизма с его неэкономическими подходами к интеграции. Филипп Шлезингер, цитируя один из абзацев Зеленого доклада Европейской комиссии «Телевидение без границ» (опубликованного в 1984 г.), подчеркивает: «Европейская унификация будет достигнута, если этого захотят европейцы. А европейцы этого захотят только в случае появления такого параметра, как европейская идентичность» [31. Р. 220]. В согласии с указанным выше мнением Сеан Кэрей отмечает: «В 2001 году Европейская комиссия опубликовала Белый доклад о европейском управлении, в котором было подчеркнута усиление „европейской идентичности и важности общих ценностей в рамках Европейского союза“» [5. Р. 388]. Возможно, это было связано с тем фактом, что «существуют нормативные предположения, что создание европейской идентичности приведет к возрастающей общественной поддержке интеграции» [5. Р. 290].

Что касается теоретического обоснования существования европейской идентичности, то и здесь разброс мнений достаточно велик. Так, некоторые ученые не признают ее существование в качестве единой и целостной концепции, предпочитая вместо этого говорить о существовании многогранного объекта. К примеру, Брутер (его цитируют Капорасо и Ким) делает различие между гражданским компонентом европейской идентичности (относимым к ЕС) и культурным (который относится к Европе в целом) [4. Р. 20]. Более предметный анализ второго компонента ставит на повестку дня вопрос о границах Европы, а также о том, являются ли эти границы географическими или культурными. В зависимости от ответа на этот вопрос можно говорить о дальнейшем развитии культурного компонента, который, при некоторых условиях, может даже совпадать с гражданским. Как подчеркивают Франц Майер и Ян Палмовски, «поскольку некоторые идентичности даны, нетрудно аргументировать, что европейская идентичность существует только благодаря одному лишь географическому и историческому положению Европы. Каждая индивидуальная и коллективная составляющая идентичностей выражается в европейском контексте. Она определяется через сочетание культурных, религиозных, экономических и идеологических факторов» [22. Р. 579].

Майер и Палмовски настаивают также на отсутствии такого явления, как европейская историческая идентичность. По их мнению, европейские учреждения

смогли сформировать свой уникальный облик и «служат в качестве общей точки обращения для жителей ЕС». Более того, «европейские учреждения сами могут стать носителями европейского исторического мифа» и даже «могут рассматриваться как яркие выразители “новой” европейской идентичности после 1945 года». Таким образом, мы получаем возможность заявить, что европейские учреждения приобрели собственную идентичность, которая сделала их «отличной от других, национальных или культурных идентичностей» [22. Р. 581, 586].

В настоящее время процесс формирования европейской идентичности сохраняет ряд противоречий. Причем речь идет не только о тех случаях, когда исследователи полностью отрицают существование европейской идентичности. Скорее, причина заключается в несколько расплывчатой, нечеткой ситуации с европейской идентичностью, которая часто кажется лишь желательной (а не реальной) и необходимой для успешного течения процесса европейской интеграции. Судя по всему, у европейских учреждений есть собственные, специфические интересы в сфере формирования идентичности, предполагающие поддержку и укрепление общей идентичности.

Тем не менее, даже если согласиться с мнением, что сущность европейской идентичности остается непрочной, а естественный характер ее формирования сомнительным, мы все равно не сможем исключить определенный уровень влияния европейской идентичности в рамках ЕС. Более того, если суммировать наличие определенных интересов европейских учреждений с некоторыми традиционными параметрами формирования идентичности (язык, этнос, культура, религия и т.п.), то присутствие и влияние европейской идентичности станет еще более выраженным и заметным.

ЕВРОПЕЙСКАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Взаимодействие европейской и национальной идентичностей — это постоянно идущий процесс, который продолжается по мере развития европейской интеграции. Существуют следующие оценки возможных результатов данного взаимодействия. Во-первых, высказывается мнение, что формирование целостной европейской идентичности достигается путем слияния национальных идентичностей. При этом сторонники более радикального подхода утверждают, что «интеграция, похоже, угрожает национальной идентичности, так как стремится к уменьшению националистических мотивов» [23. Р. 897].

Второй подход, описанный Лаурой Крэм, просматривается в концепциях тех ученых, которые признают, что ЕС способствует многообразию национальных идентичностей. Как подчеркивает Крэм, «европейская интеграция совсем не обязательно ведет к слиянию национальных идентичностей или к развитию однородной идентичности Европейского Союза, которая бросает вызов или конкурирует с лояльностью национальным интересам. Конечно, это не означает, что идентичность Европейского Союза никогда не будет представлять угрозы существующим идентичностям (или всегда поддержит выражение особых территориаль-

ных идентичностей), но свидетельствует о том, что это совсем не обязательно должно произойти» [9. Р. 115].

Наконец, можно обратить внимание на третий подход, предлагаемый Томасом Риссом, который выдвигает теорию о мирном сосуществовании европейской и национальной идентичностей: во-первых, через концепцию вложенных идентичностей, когда одна скрывается под другой, наподобие фигурок матрешки. Во-вторых, через концепцию перекрестных идентичностей, когда некоторые (но не все) члены одной категории идентичностей являются также членами другой. В-третьих, Рисс говорит о концепции «мраморного» пирога, в которой «внимание акцентируется на том, каким образом национальные и культурные дискурсы, включая конструирование исторической памяти, соотносят Европу и национальное государство друг с другом» [29. Р. 490—491].

Таким образом, указанные выше подходы, сформулированные Крэм и Риссом (их можно назвать негативными, позитивными и нейтральными), отражают наиболее вероятные результаты взаимодействия европейской и национальной идентичностей. Акцентирование внимания на одном из результатов приносит определенные политические и идеологические последствия, играя в пользу сторонников или противников интеграции. Кроме того, продолжающийся процесс взаимодействия между идентичностями вовлекает все большее число участников, включающих европейские учреждения, национальные правительства, европейские и национальные негосударственные субъекты. Многочисленные субъекты гражданского общества привносят свой вклад в процесс формирования идентичности. Этот вклад существует наряду с их специфической вовлеченностью в процесс интеграции, речь о которой пойдет далее.

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ СУБЪЕКТЫ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Негосударственные субъекты могут считаться участниками процесса европейской интеграции. Это мнение разделяют представители неофункционализма и социального конструкционизма. Сторонники либерального межправительственного подхода выражают иную точку зрения, выдвигая на первый план национальные правительства, движимые экономическими интересами.

В стандартное определение негосударственных субъектов включают различные группы: частные компании, политические и религиозные группы, общественные объединения [13. Р. 57]. Следовательно, негосударственные субъекты могут преследовать разнообразные цели — от финансово-экономических до нравственных и идеологических, причем эти цели зависят от сущности субъектов. Софи Хубер и Катрин Милзов, говоря о важности изучения роли негосударственных субъектов в процессе европейской интеграции, замечают, что «принятие во внимание негосударственных субъектов» поощряет «заимствование из других дисциплин таких концептуальных аспектов, как идентичность, социализация, или общественная сфера» [18. Р. 7—8].

Дирк Йарр объясняет возрастающее влияние негосударственных субъектов тем, что «деятельность правительств достигла, во многих отношениях, предела своих возможностей, а потому... новые субъекты вступили на сцену глобального и регионального развития» [20]. Он также подчеркивает, что «сложность и техническая детализованность» различных вопросов, возникающих перед Евросоюзом, требует от наднациональных учреждений взаимодействия не только с правительствами, но и с рыночными силами и организациями гражданского общества. Йарр полагает, что в такой сложной и многоуровневой системе, какой является Евросоюз, неправительственные организации смогли значительно усилить свой вес и влияние, поскольку они «явно переключились с работы в рамках различных проектов на систематическое лоббирование и стали серьезно вмешиваться в политику и процесс принятия решений» [20].

Холли Йарман, цитируя Брайана Хокинга, утверждает, что причина, по которой Европейская комиссия инициировала диалог с негосударственными субъектами, объясняется желанием усилить свою легитимность (поскольку комиссия не избирается населением), а также желанием использовать те экспертные знания, которыми данные субъекты могут обладать. В качестве примера Йарман говорит о влиянии негосударственных субъектов в области торговой политики [19. Р. 27].

Конечно, было бы неверно утверждать, что роль неправительственных субъектов равнозначна весу и влиянию министерств и кабинетов министров. Тем не менее негосударственные субъекты могут использовать (или пытаться использовать) правительства своих стран для продвижения собственных интересов на общеевропейском уровне.

Действительно, умение лоббировать на национальном уровне может воплотиться в принятие (или блокирование) определенного решения на наднациональном уровне. С другой стороны, здесь сложно не ожидать появления большего количества трудностей: в связи с возрастанием числа стран — членов ЕС со все более усиливающимся желанием негосударственных субъектов продвигать свои интересы через национальные властные структуры.

Как следствие, негосударственные субъекты более активно практикуют прямое лоббирование учреждений Евросоюза, в особенности Европейской комиссии. Отчасти это оказалось возможным благодаря тому, что европейские институты стали более открытыми для негосударственных субъектов. Кроме того, неправительственные субъекты приобрели новые знания и опыт, позволяющие им объединяться в коалиции для достижения поставленных целей. Прямое давление на европейские учреждения, как правило, малоэффективно; поэтому негосударственные субъекты более активно осваивают тактику закулисных переговоров, пытаясь убедить тех, кто полномочен принимать решения, в полезности своих предложений.

Еще раз подчеркнем: негосударственные субъекты не взяли на себя функции национальных правительств. Но их видимость и влияние стали неоспоримым фактом. В какой-то мере процесс европейской интеграции превратился в поле битвы, на котором различные силы сражаются для того, чтобы достичь

видимой для них победы. Причем растущее культурное, религиозное и политическое многообразие ЕС придает сражению еще больше сложности и непредсказуемости. Очевидно, что европейская повестка дня непредставима сейчас без присутствия негосударственных субъектов, — так же, как она была невозможна без присутствия национальных правительств несколько десятилетий назад.

ЦЕРКВИ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Признание того факта, что негосударственные субъекты и идентичность имеют непосредственное отношение к процессу европейской интеграции, является достаточным основанием для развития дальнейшей аргументации. Действительно, мы можем сконструировать модель, отражающую место и роль церквей в европейской интеграции. В данную модель включены следующие составляющие: 1) церкви как участники формирования идентичности и 2) церкви как негосударственные субъекты.

Вклад церквей в формирование национальной и европейской идентичностей можно обнаружить на различных стадиях данного процесса. Как подчеркивает Золт Эниэди, «национальная идентичность, особенно на периферии Европы, часто строится вокруг религиозных ценностей и связана также с существующими режимами церковно-государственных отношений. Церкви обеспечивают ритуалы, единство и идентичность для государственного строительства даже в современном мире» [11. Р. 223].

Следует обратить внимание на следующие моменты. Во-первых, церкви могут вносить непосредственный вклад в процесс формирования идентичности, особенно в тех регионах, где религия по-прежнему является важной составляющей повседневной жизни. Этот вклад определяется особенностями исторического развития Европы, которое невозможно представить без присутствия христианства.

И хотя другие религии (иудаизм и ислам) тоже присутствовали на европейском континенте, христианство на протяжении многовековой истории сохраняло статус наиболее могущественной и влиятельной веры. Христианство внесло значительный вклад в формирование европейской культуры, литературы и науки, причем в монастырях велись научные исследования и был организован процесс обучения. Христианская архитектура стала неотъемлемой частью европейских городов. В одном из заявлений Священного Синода Греческой православной церкви подчеркивается: «Европе не следует забывать, что ее духовные основания находятся в Евангелии Христа» [8]. Как отмечал Поль Валери, «европейца невозможно выделить только на основании расовой принадлежности, языка и национальности, поскольку Европа — это родина многих языков, национальностей и традиций. Европейец — это тот, кто объемлет римское право, постигает греческое образование, а также принимает и усваивает христианское учение» [7].

Мы приходим к выводу, что сама концепция европейской идентичности включает в себя христианский параметр. Менендез, объясняя взгляды Джозефа Вейлера, подчеркивает: «Христианство не только является религией, оставившей наиболее глубокий след на идентичности Европы и европейцев, но оно является той

верой, которой придерживается в настоящее время наибольшее число европейцев... Даже другим верующим следует признать, что их идентичность как европейцев несет на себе глубокое влияние христианства» [24. Р. 186].

Второй способ влияния церковью на процесс формирования идентичности является опосредованным — через ценности как один из параметров идентичности. Действительно, ценности (по крайней мере, частично) связаны с религией. Более того, «Вейлер заявляет, что идентичность европейцев и Европы как Союза по-прежнему находится под сильным влиянием христианских ценностей» [24. Р. 185].

Нельзя также не обратить внимания на три классические модели, в соответствии с которыми религиозные организации могут выстраивать свои отношения с внешним миром: автоцентричная модель, свидетельствующая модель и протестантская модель [12. Р. 42]. Форе подчеркивает, что в современной Европе эти три модели находятся в смешении и взаимодействии, поскольку случаи безусловной поддержки или отрицания существующего политического устройства крайне редки. Кроме того, Форе предлагает учитывать факт размывания «традиционной» религиозности и развитие околорелигиозного феномена — в виде мистицизма, эзотеризма и т.п.

В дополнение к этому в современной Европе можно обозначить существование двух систем ценностей: секулярных и религиозных. Эти системы находятся в постоянном противоборстве, причем противоборство отражает желание создать определенный тип европейской идентичности, основанный на религиозном или внерелигиозном измерении. При этом следует отметить, что, говоря о христианских ценностях в Европе, мы имеем в виду консервативные ценности, не размытые модернистскими тенденциями, заметными в среде отдельных христианских деноминаций.

Эти ценности имеют достаточно ясно выраженный морально-нравственный аспект, в рамках которого, к примеру, семья считается союзом мужчины и женщины, человеческая жизнь существует и должна быть защищена с момента зачатия до момента естественной смерти; честность, целомудрие и взаимная помощь должны всячески поощряться, а не подвергаться насмешкам.

Консервативные ценности резко критикуются представителями европейского секуляризма. В этой борьбе большинство церковью занимает однозначную позицию: защитников консервативных христианских ценностей. Конфликты между сторонниками двух концепций и двух точек зрения подвигают церкви к более активному участию и поддержке одной из сторон. Действительно, для церковью важно добиться того, чтобы ценности, положенные в основу европейской идентичности, не продвигали секулярное видение Евросоюза.

Однако не все исследователи согласны с тем, что религия является одним из формирующих факторов европейской идентичности. По мнению Форе, «теории европейской идентичности, основанные на религии, имели не больший успех (фактически скорее даже меньший, если это возможно), чем секулярные теории» [12. Р. 40]. Более того, Форе видит в религии препятствие для выработки общеприемлемого основания для Европы, приводя в качестве примера случай, когда родственники Шумана отказали просьбе Президента Франции Франсуа Мит-

терана в том, чтобы поместить прах Шумана в Пантеон [12. Р. 40]. Логика Форе не до конца понятна, поскольку неясно, почему «языческий» (или вовсе безрелигиозный) Пантеон должен служить основанием для Европы, немалая часть населения которой продолжает заявлять о своей религиозности.

Вполне логично, что церкви стремятся защитить определенные ценности и стиль жизни исходя не только из их богословских доктрин и особенностей нравственного богословия, но и из желания внести свой вклад в процесс формирования идентичности. Разумеется, та категория ценностей, которую защищают церкви, соотносится с их богословскими доктринами. Но для нас сейчас важно обратиться ко второму аспекту, отражающему роль церквей в европейской интеграции, — как негосударственных субъектов или общественных объединений.

ЦЕРКВИ КАК НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ СУБЪЕКТЫ

Говоря о церквях как негосударственных субъектах, следует, на наш взгляд, обратить внимание на следующие моменты: во-первых, целесообразно взглянуть на то, каким образом церкви и религия могут в принципе присутствовать в европейском обществе, во-вторых, важно проанализировать особенности влияния религии на политику и процесс принятия решений.

Как правило, о роли религии (фактической или желательной) в современном обществе говорят с двух противоположных позиций. В рамках первой, либерально-секулярной, видится необходимость четкого разделения религии и политики и необходимость так называемой приватизации религии, сведения ее к сугубо частному делу [26. Р. 890]. Как объясняет Петтерссон, «приватизированная религия не обременяет себя общественными или политическими вопросами» [28. Р. 233]. Иларион Алфеев подчеркивает, что такое развитие событий продиктовано желанием загнать религию в гетто, удалить ее из общества, минимизировав влияние на граждан, особенно на молодежь [1]. В рамках второго подхода «приватизация» религии видится ошибочной, так как для нее предусмотрена определенная общественная роль: «Демократическое государство должно гарантировать свободу религиозных воззрений в частной сфере и возможность для религиозных сообществ отстаивать (продвигать) свои ценности в общественной сфере. Из этого следует, что все религиозные объединения должны иметь право формировать политические партии... Также следует, что данный принцип совместим со всеми институциональными типами церковно-государственных отношений» [26. Р. 891].

Высказывается мнение, что первый подход может превалировать в преимущественно нерелигиозной части Европы, а второй возможен в европейских странах с более низким уровнем секуляризации. Иногда предполагается, что первый подход можно применить к Евросоюзу в целом — в силу того, что в Европе происходят быстрые процессы секуляризации. По крайней мере, как подчеркивают Лозк Халман и Вээрл Дролэнс, «резко падающая посещаемость церквей в Европе часто принимается в качестве свидетельства того, что эта часть света продолжает секуляризоваться» [15. Р. 263]. Франц Холлингер, Макс Халлер и Адриана Валле-Холлингер отмечают, что «в Европе в течение 20 столетия религиозные уч-

реждения потеряли значительную долю своего влияния, а религиозные практики и верования сократились» [17. Р. 133].

Однако признание этих фактов не означает резкого снижения влияния религии в Европе в целом. Сложность и многофакторность процесса секуляризации не позволяет выделить конкретные тенденции, которые можно было бы применить к ЕС в целом. Действительно, как признают Халман и Дролэнс, «секуляризацию можно считать европейским феноменом, но это не предполагает, что Европа является однородно секулярной» [15. Р. 20]. Холлингер, цитируя одного из ведущих британских социологов религии, подчеркивает: «Дэвид Мартин настаивает на том, что эволюция религиозных учреждений в Европе может значительно варьировать. По мнению Мартина, направление, в котором религия меняется в процессе модернизации, связано с ролью религии во время знаковых периодов в истории данного общества» [17. Р. 134].

Торлейф Петтерссон признает, что «передовые страны Западной Европы, как известно, имеют значительные различия в религиозных вопросах. Религиозность намного выше в южных католических регионах, нежели в северных протестантских» [28. Р. 232]. Очевидно, что применять концепцию «приватизированной» религии по отношению к ЕС в целом было бы, по меньшей мере, преждевременно. Более того, дальнейшая (возможная) секуляризация Европы совсем не обязательно повлечет за собой «приватизацию» религии. Как подчеркивает Юрген Хабермас, даже в значительно секуляризованных обществах религиозные структуры могут находить рычаги влияния. По мнению Хабермаса, церкви «могут оказать влияние на общественное мнение, внося вклад в ключевые дискуссионные вопросы, вне зависимости от того, являются ли их аргументы убедительными или спорными... Будь это дискуссия о легализации аборт или добровольной эвтаназии, о биоэтических проблемах репродуктивной медицины, вопросы о защите животных или изменении климата — и по этим, и по аналогичным вопросам разделительные предпосылки настолько сложны, что невозможно вначале понять, какая из сторон способна выступить наиболее убедительно» [14. Р. 20].

Аргументация Хабермаса открывает возможность для лучшего понимания тех методов, которые могут быть использованы церквями для продвижения своих интересов как на высшем, так и на более низких уровнях Евросоюза. Церкви, будучи негосударственными субъектами (или общественными объединениями), могут использовать ряд способов, среди которых можно, в частности, отметить следующие:

1) прямое или не прямое лоббирование, в том числе при помощи различных дружественных организаций. Так, Джон Уорхест, анализируя «расширенное католическое лобби» (в его случае — для Австралии), пишет о «католических, квазикатолических и полукатолических организациях», среди которых — Опус Деи, Ассоциация «Право на жизнь», Национальный гражданский совет и др. [35. Р. 213]. Каролин Варнер говорит о политике лоббирования, используемой католической церковью в Европе. Церковь лоббировала правительства (через политические партии и другими способами), добиваясь поставленных перед собой целей [32. Р. 18];

2) политическая мобилизация (особенно среди прихожан) и более активное влияние на формирование общественного мнения. Робин Дрискелл, Элизабет Эмбри и Ларри Лайон замечают, что «духовенство и религиозные лидеры могут выступать с посланиями, политически мобилизующими членов церкви, а организационные навыки, изученные в церкви, можно применить при последующем участии в политической деятельности» [10. Р. 296]. Дэвид Мартин выделяет три способа, которые помогают церквям адекватно действовать в общественной сфере: «они могут мобилизовывать политические партии, действовать как группы давления, или же полагаться на собственные ресурсы для того, чтобы внести вклад в решение социальных проблем» [33].

Следует, конечно, учитывать возможные недостатки указанных выше методов. Например, потенциальная мобилизация членов церкви далеко не всегда достаточна для того, чтобы оказать действенное влияние на государственную политику. Это может зависеть от того, в какой мере постоянные прихожане согласны с идеями, формируемыми духовенством. И даже если степень согласия высокая, могут встретиться другие объективные препятствия: например, низкая активность или отсутствие необходимых навыков у членов церкви для того, чтобы привнести религиозные идеи в политическую и общественную жизнь.

В любом случае политическая мобилизация остается сильным и действенным методом в тех странах, где влияние церкви достаточно ощутимо и где имеется возможность мобилизовать массы, или же есть влиятельные политические группы, готовые действовать в соответствии с рекомендациями (или просьбами) церковей. Более того, мобилизация масс — это важный инструмент в формировании сильного и стабильного общественного мнения, с которым невозможно не считаться демократическому правительству. Конечно, общественное мнение — колеблющаяся величина (что было продемонстрировано на референдумах по важнейшим вопросам развития ЕС), но даже этот изменяющийся инструмент может оказаться эффективным для того, чтобы заставить правительства принять определенные решения. Как отмечает Эниеди, «церкви часто вовлекаются в политическую борьбу... В демократическую эпоху способность церковей оказывать давление на государство зависит в значительной степени от того, насколько они обучены мобилизации общественного мнения» [11. Р. 228].

Исходя из анализа присутствия идентичности, негосударственных субъектов и религии в европейской интеграции, можно сделать следующие выводы. Церкви способны действовать на европейском и национальном уровнях как участники формирования идентичности и негосударственные субъекты. Как участники формирования идентичности они стремятся внести вклад в создание определенного типа европейской идентичности, в рамках которой христианские ценности и нормы будут составлять, по меньшей мере, важную часть. Христианская составляющая европейской идентичности определяется доктринами, разработанными в различных церквях. Эти доктрины не идентичны: разделение идет как по конфессиональным линиям, так и в рамках одной конфессии (например, в протестантизме).

При этом сама деятельность церквей, исходя из общей роли негосударственных субъектов в интеграции, сводится к следующим схемам:

— Церкви как участники формирования общественного мнения. Это — один из наиболее эффективных методов влияния на принятие решений. Церкви должны уметь не только обосновать точку зрения, но и сделать это эффективно и своевременно.

— Церкви как субъекты, действующие на правительственном уровне. Речь идет об использовании различных методов: формальных заявлений, просьб, лоббирования через дружественные структуры, или, если церковь имеет высокий статус, непосредственного обращения в законодательные органы с проектами законов или поправок к законам.

Оправданно и логично считать церкви неотъемлемыми участниками европейской интеграции. Но как участники они отличаются от остальных и имеют собственную «повестку дня». Данный факт, а также возрастающая вовлеченность Европейского Союза в религиозную сферу ведут к тому, что роль, которую играют церкви на европейском уровне, выходит далеко за пределы частной религиозности. Эта роль воспринимается по-разному как властными структурами, так и гражданским обществом, но ее усиление становится фактом, который уже не подвергается сомнению.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Alfeyev H.* On which values is Europe built? // Conference of European Churches, 2006. URL: <http://www.cec-kek.org/pdf/CLHilarion.pdf>.
- [2] *Biles J., Spoonley P.* National Identity: What It Can Tell Us about Inclusion and Exclusion // National Identities. 2007. Vol. 9. № 3.
- [3] *Brubaker R., Cooper F.* Beyond Identity // Theory and Society. 2000. № 29.
- [4] *Caporaso J.* The dual nature of European identity: subjective awareness and coherence // Journal of European public policy. 2009. № 16.
- [5] *Carey S.* Undivided loyalties: Is national identity an obstacle to European integration // European Union Politics. 2002. № 3.
- [6] *Challand B.* From hammer and sickle to star and crescent: The question of religion for European identity and a political Europe // Religion, State and Society. 2009. Vol. 37. № 1.
- [7] *Christodoulos.* The word and role of orthodoxy in the European Union // Ecclesia, 2000. URL: http://www.ecclesia.gr/English/EnArchbishop/EnSpeeches/role_of_orthodoxy.html.
- [8] Church of Greece. The Holy Synod of the Church of Greece on the Future of Europe // Ecclesia, 2003. URL: http://www.ecclesia.gr/English/EnHolySynod/messages/europe_declaration.html.
- [9] *Cram L.* Identity and European integration: diversity as a source of integration // Nations and Nationalism. 2009. № 15.
- [10] *Driskell R., Embry E., Lyon L.* Faith and politics: The influence of religious beliefs on political participation // Social Science Quarterly. 2008. № 89.
- [11] *Enyedi Z.* Conclusion: emerging issues in the study of church-state relations // West European Politics. 2003. № 26.
- [12] *Foret F.* Religion: a solution or a problem for the legitimization of the European Union? // Religion, State and Society. 2009. Vol. 37. № 1.

- [13] *Goksel D., Gune N., Birden R.* The role of NGOs in the European integration process: The Turkish experience // *South European Society and Politics*. 2005. № 10.
- [14] *Habermas J.* Notes on post-secular society // *New Perspectives Quarterly*. 2008. № 25.
- [15] *Halman L., Draulans V.* How secular is Europe // *British Journal of Sociology*. 2006. № 57.
- [16] *Henderson A., McEwen N.* Do shared values underpin national identity? Examining the role of values in national identity in Canada and the United Kingdom // *National Identities*. 2005. № 7.
- [17] *Hollinger F., Haller M., Valle-Hollinger A.* Christian religion, society and the state in the modern world // *Innovation*. 2007. № 20.
- [18] *Huber S., Milzow K.* Introduction-taking a closer look at non-state actors: Challenges ahead in European voices: actors and witnesses of European integration / HEIRS, 2007. URL: http://aei.pitt.edu/7517/01/HEIRS_3rd_colloquium_proceedings.pdf.
- [19] *Jarman H.* The other side of the coin: Knowledge, NGOs and EU trade policy // *Politics*. 2013. № 28.
- [20] *Jarré D.* The Roles of NGOs at European Union Level. 2005. URL: http://www.bezrobocie.org.pl/files/ekonomiaspoleczna.pl/public/biblioteka_eS_pliki/Dirk_Jarre_The_Roles_of_NGOs_at_European_Union_Level.pdf.
- [21] *Korostelina C.* The multiethnic state-building dilemma: National and ethnic minorities identities in the Crimea // *National Identities*. 2003. № 5.
- [22] *Mayer F., Palmowski J.* European identities and the EU — the ties that bind the peoples of Europe // *Journal for Common Market Studies*. 2004. № 42.
- [23] *McLaren L.* Opposition to European integration and fear of loss of national identity: Debunking a basic assumption regarding hostility to the integration project // *European Journal of Political Research*. 2004. № 43.
- [24] *Menendez A.* A Christian or a Laic Europe? Christian values and European identity // *Ratio Juris*. 2005. Vol. 18. № 2.
- [25] *Miller D.* *On Nationality*. Oxford, 1997.
- [26] *Minkenbergh M.* Democracy and religion: Theoretical and empirical observations on the relationship between Christianity, Islam and liberal democracy // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2007. № 33.
- [27] *Mitchel P.* *Evangelicalism and National Identity in Ulster, 1921—1998*. Oxford, 2003.
- [28] *Pettersson Th.* Religion in contemporary society: Eroded by human well-being, supported by cultural diversity // *Comparative Sociology*. 2006. № 5.
- [29] *Risse Th.* The Euro between national and European identity // *Journal of European Public Policy*. 2003. № 10.
- [30] *Scheuer A.* A political community? // *Political Representation and Legitimacy in the European Union* / A. Scheuer, H. Schmitt, J. Thomassen (eds.). Oxford, 1999.
- [31] *Schlesinger P.* On national identity: Some conceptions and misconceptions criticized // *Social Science Information*. 1987. № 26.
- [32] *Steven M.* Religious lobbies in the European Union: From dominant church to faith-based organization? // *Religion, State and Society*. 2009. Vol. 37. № 1.
- [33] Summary of the Third Meeting: The Role of Religion in European Integration. URL: http://www.iwm.at/index.php?option=com_content&task=view&id=370&Itemid=286.
- [34] *Vanheeswijck G.* How can we overcome a politics of inarticulacy? // *More Europe? A Critical Christian Inquiry into the Process of European Integration*. Kampen, 1997.
- [35] *Warhurst J.* The Catholic lobby: Structures, policy styles and religious networks // *The Australian Journal of Public Administration*. 2008. № 67.
- [36] *Wendt A.* Identity and structural change in international politics // *The Return of Culture and Identity in International Relations Theory* / Ed. by Y. Lapid, F. Kratochwil. Boulder, 1996.

IDENTITY, NON-GOVERNMENTAL ORGANISATIONS, AND RELIGION IN THE EUROPEAN INTEGRATION

S.A. Mudrov

Institute for Advanced Study
New Europe College
Str. Plantelor, 21, 023971, Bucharest, Romania

The signing of the Treaty of Maastricht (1992) has strengthened a non-economic component of European integration and has objectively reinforced the position of social constructivism among the theories of European integration. Thus, it has become possible to take into account the role of identity, non-governmental organisations and religion in the process of unification of Europe. The role of religious factors was particularly pronounced in article 17 of the Treaty of Lisbon (2009), which established open and regular dialogue between the European Union (EU) and the Churches. This article emphasises that identity is present in the EU in the form of national and European identities. Religion and values are among the parameters of identity. The role of non-state actors is explained by the desire of the European Commission to strengthen its legitimacy, and by the necessity of wider consultations, in view of growing complexities of the issues at the EU agenda. The role of Churches has been defined by the presence of the above mentioned parameters and by the meaning of religion in history of Europe. Churches contribute to integration as non-state actors and as participants of identity formation. At the same time, Churches are different from other actors, since they have their own 'agenda', formed by the moral and theological doctrines. In general, one can note the increasing role and meaning of religious factor at the European level.

Key words: European Union; religion; Churches; European integration; identity; non-governmental organizations; social constructivism.